

ТРАДИЦИЯ КНИГИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ГУМАНИЗМА

*Работа представлена кафедрой философии и культурологии
Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии.
Научный руководитель – доктор философских наук, профессор И. М. Ревич*

Гуманизм в западном понимании означает центральное место человека в системе культурных ценностей. Кризис гуманизма, разразившийся в двадцатом столетии, делает актуальным специфический подход к образованию, основанный на обращении к идеям иудео-христианской антропологии и философской рефлексии Просвещения.

Classical (European) humanism means a person's central place in the system of cultural values. The crisis of humanism that took place in the 20th century actualises the specific approach to education based on the Judaic and Christian anthropology and philosophical reflection of the Enlightenment.

Книга, Космополис и Антропоцентризм представляют собой концепты, образующие антропологию современного европейского гуманизма. В русле идей Т. Манна, Г. Гессе, Х. Ортеги-и-Гассета и других мыслителей, мы считаем, что европейская цивилизация сегодня представляет собой культурно-историческое образование, которое является полем общечеловеческих ценностей, воплощенных в феномене европейского гуманизма. Это обусловлено как раз не самобытностью европейской цивилизации, а ее культурной и религиозной вторичностью – Афины и Иерусалим дали начало развитию европейской культурно-исторической общности. Говоря о возможностях преодоления кризиса классического (европейского) гуманизма, продуктивным будет философское осмысление иудео-христианской антропологии. И здесь для

нас важно философско-антропологическое рассмотрение феномена образования и заложенной в нем идеи универсализма человеческого образа, возможности для каждого человека реализовать экзистенциальную потребность в образовании себя как человека – посредством Книги (учения) приблизиться к этому образу.

Феномен Книги как содержательный аспект современного европейского гуманизма имеет важное значение для понимания специфики иудео-христианской антропологии. Гуманизм вообще не представим без своей воспитательной, педагогической перспективы. Ведь для классического гуманизма человек не рождается человеком: им требуется стать, и не каждый становится. Только homo humanus, человек воспитанный и не перестающий воспитывать себя, входит в «человечество» гуманизма.

Гуманизм Возрождения, Реформация начались с открытия Знания для каждого человека. Фактически нам известны лишь два общества, где появился и получил развитие идеал открытого знания: это древнееврейское и древнегреческое общество. В античной Греции он воплотился в концепции классической Пайдеи, в еврейской культуре традиция Книги остается по сей день основой национального образования. Греческая философия и Танах – два источника западной культуры. Само образование западной культуры объясняется встречей Афин и Иерусалима в средние века, когда греческой философии был противопоставлен иной взгляд на мир, разработанный арабским и иудейским интеллектуализмом и получивший свое продолжение в христианстве и исламе. Взаимодействие Иерусалима и Афин – важный аспект антропологии современного гуманизма, поскольку в этих культурах получила развитие идея универсализма человечности, обретаемой через образование в самом широком смысле, здесь произошел поворот к открытому знанию, к идеалу свободного человека и политической свободы. Универсализм, по мнению Ю. Кристевой, – «это творение историческое, это эссенция метафизики. Универсальное конституирует равенство человеческих способностей, нашу способность думать, чувствовать, связывать себя с другими»¹. В этом плане отношение к учению, к знанию, к слову, образованию человека – точка соприкосновения между античностью и иудаикой: любой человек может приступить к учению, к образованию себя в качестве человека, поскольку человечность не дана человеку по факту рождения.

Что такое Книга в традиции еврейской ментальности? Книга продолжает оставаться конкретным воплощением национального духовного наследия. Свойство святости, первоначально приписывающееся Пятикнижию, распространилось в большой мере на книги Галахи, Аггады и по-

добную литературу не только из-за их содержания, но и потому, что они были написаны священными буквами ивритского алфавита. Показательно в этом отношении наставление Ишма'эля б. Элиши р. Меиру, желавшему стать переписчиком его иешиве: «Будь осторожен в своей работе, ибо это священный труд. Опустить ли ты единственную букву или прибавишь лишнюю, этим – оказывается – ты разрушаешь весь мир» (Эр. 13а)². Л. Юрис так характеризует еврейскую ментальность: «Общий психологический склад народа определяется переломом в еврействе от податливости к твердости. Откуда податливость – понятно. Вся тысячелетняя история выработала в еврейском характере живой релятивизм, готовность к компромиссам и умение приспособляться к обстоятельствам. Но за этой «мягкостью» в ядре характера прячется негибкая верность себе. И она проявляется и в том, что целые поколения книжников, угробивших свои жизни ради сохранения в нетленности текстов, смысл которых стал совершенно каббалистическим и нуждается в бесконечных истолкованиях, – удивительный в мировой истории пример «невидимой стабильности»³. Данное в Коране определение еврейского народа как народа Книги, т. е. обладателя вдохновенного Богом Писания, было принято не только последователями Ислама, но и многими народами мира и впоследствии получило расширенное толкование. В таком определении соединяются универсализм, всеобщность и персоналистичность в понимании человека и его предназначения. Еврейский народ в момент Откровения приобретает национальную идентификацию и статус народа. Поскольку происходит это в религиозном акте предствояния, возникают трудности с различением религии и национальности. С одной стороны, принадлежность к народу не зависит от желания того, кто родился в нем, но, с другой стороны, она зависит от желания человека, готового присоединиться к нему. Та-

нах однозначно указывает, что возможность принадлежности к «народу дражайшему» открыта для всех, расовые, биологические и всяческие другие свойства не являются критериями избранничества. Здесь принадлежность к народу – как предназначение, как относиться к этому – зависит от человека. Этот статус и предназначение проявляется в статусе народа, великого не числом, а разумением (пониманием) и этическими ценностями.

Очень ярко феномен Книги можно показать на примере традиций еврейского образования. Особенности восприятия Книги и ее роли для становления истинно человеческого в человеке показаны в исследовании И. Б. Голубь⁴, посвященном еврейскому национальному образованию. Школа (как социальный институт) издревле почиталась в обществе наравне с Храмом, а школьный учитель – наравне с мудрецом (Хохам-Рэбэ). Если не было возможности построить в поселении школу, дети учились в синагоге (молельном доме). Отсюда, видимо, появилось и в ментальности еврейского народа высокое уважение к учителю (Рэбэ), воспитанное в семье задолго до поступления детей в школу. Денег за свой труд учитель (воспринимаемый одновременно и как проповедник) не получал, так как считалось, что слова Библии (и, в частности, Торы) даны народу еврейскому Богом бесплатно, а значит, и передавать детям его тоже должны бесплатно⁵. Танах – не просто книга для чтения, это «книга учения», учения умению жить в этом мире с Богом и людьми, ибо каждый человек (ученик) должен найти в ней ответ на свое человеческое предназначение. Следовательно, Танах – книга, ценность которой заключается в том, что она стоит во главе угла деятельности любого, находящегося в пространстве иудаизма, в том числе ученика, учителя, родителя, учебного учреждения, всего общества. Не случайно потому и слово «читать» на иврите означает действие – «звать», «призывать», «называть»

и т. д. В общем, Книга в иудаизме представляет собой принципиально новый подход к формированию народа: народ был избран Богом для того, чтобы строить свою жизнь в соответствии с определенной системой норм. Павел, напротив, исключает эту заявленную в Торе систему норм, определяющих жизнь человека – он проповедует искупление через милосердие, и устанавливает примат веры над действием. Поэтому, следовательно, функция Торы исчерпана, как и функция народа, как только совершен прорыв из частных, национальных границ к общечеловеческому: «Все одинаково пропали, все одинаково могут спастись». В этом секрет успеха христианства в овладении историей.

В этой связи достаточно интересен факт, что иудаизм в образовании всегда обращал внимание на такие вопросы, как связь между учением и действием, между интеллектуальным познанием и нормами морали, между знанием и поступками. Поэтому в еврейском понимании понятия «образование» и «воспитание» обозначаются одним и тем же словом «Хинух», а слова «книга», «литература», «библиотека», «школа», «писатель», «рассказ» (на иврите) являются однокоренными от корня «Сэфэр»⁶. Таким образом «Сэфэр» и «Хинух» как бы связывают собой в единое поле деятельности многих людей самых разных профессий, продуцируя различные виды деятельности, объединенные одной сердцевиной – Книгой, учебой или самим процессом образования. Существует и определение евреев как народа философов. В еврейском обществе давно сложилось представление об открытом знании как о безусловном идеале. Оно появляется в Торе и получает выражение в словах Моше: «О, если бы все в народе Б-жьем были пророками!» Т. е. он хотел, чтобы весь народ состоял из пророков, поскольку дарование Торы – это дарование гласное, всеобщее, в этом равны все. Знание должно быть знанием для всех. Поэтому здесь высказывается всеобъ-

емлющее представление о «народе мудром и разумном, народе великом», т. е. о разумности и мудрости всего народа. Весь народ обязан выполнять слова Торы. Существуют универсальные обязанности, возложенные на всех, и следует упомянуть, что среди них – всеобщая обязанность учить Тору, и представление об этом становится все более и более четким от поколения к поколению. В основе своей это новое представление, которого нет ни в одной другой культуре, даже в греческой культуре нет ничего подобного по характеру и масштабам. Суть его в том, что оно подчеркивает обязанность изучать – это не только возможность, но обязанность. Этот идеал знания свое первое выражение в еврейской культуре получил при помощи слова, указывающего на понятие противоположное – на невежество. Ибо, как показывает этимологический анализ, еврейское слово, обозначающее невежество, первоначально указывало на невозделанное поле, которое, однако, должно быть вспахано; следовательно, общество воспринималось как нечто такое, что должно быть подвержено как можно более широкой культивации. А невежество – это область хаоса, еще не возделанная область⁷.

Человек, изучающий Тору – «талмид хохам». «Талмид хохамим» – ученик мудрецов, человек, изо дня в день отдающего все свое время, силы, внимание изучению истины, т. е. неутомимому обогащению своего духовного мира⁸. При этом подчеркивается взаимосвязь знания и понимания, сама мысль о том, что «нет знания – нет понимания; нет понимания – нет знания» в том контексте, когда под «пониманием» («бина») определяется умение ученика творчески расширять и углублять свои знания. Но понятие знания связано не только с интеллектуальными способностями: «сыны его милосердны, стыдливы и скоры на добрые поступки («рахманим, байшаним, гомлей хасадим»)). В личной, бескорыстной заботе о ближнем проявляется

«гмилут хасадим». Это не требование введения социальных гарантий нуждающимся, а, скорее, моральный императив, обращенный к каждому сердцу. И всеми этими качествами должен обладать каждый «талмид хохам» – ученик мудрецов.

Мудрецы устной Торы стали де-факто не только политической, но в первую очередь религиозной и просветительской силой. Для большинства мудрецов Тора – не на небесах. Это Книга, отданная в распоряжение людей, и поэтому ее можно толковать, рассуждать о ней логически, и изучая ее, большинство людей способны приходить к тому или иному выводу. Талмудический рассказ о лишении власти раба-на Гамлиэля показывает, что в итоге его отстранения двери академии, где изучалась Тора, немедленно раскрылись перед всеми. В истории о временах Гамлиэля в последний раз встречается упоминание о страже у ворот академии, который не только взимал плату за обучение, но и следил за тем, чтобы у каждого входящего внешность соответствовала внутреннему содержанию.

В содержании современного европейского гуманизма Книга продолжает оставаться феноменом экзистенциальным. «Для формирования европейского гуманизма важно было то, что *Книга* явилась точкой приложения творческих сил человека. *Книга* и герменевтическая креативность, обусловленная ею, формировала этос организованной веры и организованной мысли. Причем и вера, и мысль, захватившие человека, обусловили возникновение фундаментальных религиозных переживаний, в центре которых оказались перипетии человеческой судьбы. *Книга* явилась первичной институционализацией человеческой экзистенции, она явилась духовной основой европейского человечества. В этом смысле можно говорить о *первоопыте* человечности как экзистенциальной креативности, конечно, первоначально понятым в рамках теологии: благодаря *Книге* человеческая душа приобщалась (*прилеплялась*) к Душе Мира»⁹.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Чтобы поддержать и сохранить живую суть гуманизма, мы обязаны идти по пути постоянного развития и обновления личности. Гуманизм в западном понимании означает центральное место человека в системе культурных ценностей, причем эти ценности, как и сама культура, – суть порождения человека. Фундаментальные ценности гуманизма реализуются в индивидуальных правах личности, таких как ее свобода и неприкосновен-

ность, а также в научном познании мира, художественном творчестве, в том удовлетворении и той радости, которые приносит повседневная жизнь. Ведь гуманизм – это воздух западной культуры, Кризис гуманизма, разразившийся в двадцатом столетии, делает актуальным специфический подход к образованию, основанный на обращении к идеям иудео-христианской антропологии и философской рефлексии Просвещения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Юлия Кристева: изоляция, идентичность, опасность, культура...// [Электронный ресурс], – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2005/15/kri26.html>

² Краткая еврейская энциклопедия. М., Иерусалим, 1988. Т.4. С. 363.

³ Юрис Л. Исход: В 2-х ч. М., 1994. Ч. 1. С.12.

⁴ Голубь И. Б. Становление национального образования в Еврейской автономной области (историко-педагогический аспект): Дис. на соис. учен. степени канд. пед. наук. Биробиджан, 2006. С. 234.

⁵ Там же.

⁶ Беляева Е. В. Книга как отражение судьбы еврейского народа // Связующая нить времен: прошлое, настоящее, будущее книги на Дальнем Востоке: Материалы научно-практической конференции. Биробиджан, 2005. С.107.

⁷ Штейнзальц А., Функенштейн А. Социология невежества. Институт изучения иудаизма в СНГ, 1997.

⁸ Аренд М. Философия Еврейского образования / М. Аренд; Институт еврейских рукописей; Петербургский еврейский университет; Институт проблем еврейского образования. // Новая Еврейская Школа. 1993. № 2. С. 20–21.

⁹ Ревич И. М. Личность в контексте антропологии гуманизма // Интеграция науки и образования – основа развития и возрождения национально-регионального менталитета: международная научно-практическая конференция. Биробиджан: БГПИ, 2004. Ч. 2. С. 175.